Sborník,

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti.

31

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ. 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченія изъ протоколовъ Императорской Академіи Наукъ.

Засѣданія Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

Сентябрь 1882—январь 1883.

Въ засѣданіи 9-го сентября академикъ Я. К. Гротъ выразилъ сочленамъ сердечную признательность за то высокоцѣнимое имъ сочувствіе и довѣріе, которое они заявили ему въ своихъ привѣтствіяхъ въ день пятидесятилѣтней годовщины его ученой и литературной дѣятельности. «Считаю для себя особеннымъ счастьемъ, сказалъ онъ между прочимъ, что ближайшіе мои сотоварищи, непосредственные свидѣтели моего образа дѣйствій въ академической сферѣ, такъ вѣрно поняли нача́ла, которымъ я болѣе 25-ти лѣтъ неуклонно слѣдовалъ въ своихъ отношеніяхъ къ Академіи вообще и къ нашему Отдѣленію въ частности. Дѣйствовать открыто и прямо, чуждаться всякой интриги, вести дѣла коллегіально, законно и безпристрастно, уважать свободу мнѣній и слова, итти на встрѣчу всякому добросовѣстному труду, всякому справедливому желанію, наконецъ энергически охранять честь учрежденія, которому великій его Основатель завѣщалъ высокую цѣль служить наукѣ на пользу Россіи и Русскаго народа,—таковы были правила, которыя я всегда считалъ обязательными для каждаго честнаго академика, помня при томъ святое апостольское слово: «плодъ правды сѣется въ мирѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ я однакожъ сознавалъ, что стремленіе къ миру должно имѣть свои предѣлы, что въ дѣлахъ общественныхъ *правда* не можетъ быть приносима въ жертву *миру* и что когда предстоитъ выборъ между ними, то предпочтеніе должно быть безъ колебанія отдаваемо правдѣ.—Знаю, что такой образъ мыслей и дѣйствій

нравится ве всѣмъ, что часто выгоднѣе было бы итти путемъ противоположнымъ. Но ваше гласное одобреніе, многоуважаемые товарищи, придаетъ мнѣ новыя силы для продолженія моей академической дѣятельности въ томъ же духѣ. Горжусь тѣмъ, что къ ней отнеслось сочувственно и русское общество, все что въ немъ есть добраго, честнаго и благороднаго»..... По выслушаніи этой рѣчи выражено желаніе, чтобы описаніе юбилея академика Грота было напечатано какъ въ «Сборникѣ», такъ и отдѣльною брошюрою.

Въ томъ же засѣданіи представлена Я. К. Гротомъ полученная имъ въ Прагѣ отъ профессора О. И. Коляржа рукописная замѣтка «о нѣкоторыхъ результатахъ новаго взгляда на устроеніе языка», составляющая извлеченіе изъ обширнаго труда его на чешскомъ языкѣ. Положено напечатать эту замѣтку въ приложеніяхъ къ протоколу.

По поводу имѣвшаго исполниться 24-го сентября столѣтія со дня перваго представленія «Недоросля» Фонвизина, положено принять участіе въ предполагаемомъ чествованіи этого писателя слѣдующимъ заявленіемъ:

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, признавая великія заслуги Фонвизина русской литературѣ и театру, въ день годовщины столѣтія со времени появленія на сценѣ его безсмертнаго «Недоросля», присоединяется къ чествованію русскимъ обществомъ памяти знаменитаго писателя, бывшаго въ вѣкъ Екатерины украшеніемъ Россійской Академіи. Да процвѣтаетъ отечественная сцена, обогащаемая талантами, достойными славнаго своего предшественника, положившаго первое начало блистательному ея развитію».

Въ засѣданіи 30-го сентября М. И. Сухомлиновъ довелъ до свѣдѣнія сочленовъ, что составленное въ предыдущемъ засѣданіи заявленіе Отдѣленія по поводу празднованія столѣтія со дня постановки на сцену «Недоросля», было передано имъ О. Ф. Миллеру для доставленія по принадлежности и что затѣмъ оно, какъ уже извѣстно, было прочитано г. Потѣхинымъ въ Большомъ театрѣ передъ началомъ представленія. Положено выразить О. Ф. Миллеру признательность Отдѣленія за радушное его въ этомъ случаѣ содѣйствіе.

По поводу полученія въ Отдѣленіи только что изданнаго профессоромъ Варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ «Начертанія церковно-славянской грамматики», положено отмѣтить записаніемъ въ протоколъ появленіе этого новаго труда, свидѣтель-

ствующаго о неослабѣвающей дѣятельности и обширныхъ познаніяхъ автора.

Академикъ Я. К. Гротъ заявилъ объ изданномъ недавно въ Копенгагенѣ, на датскомъ языкѣ, трудѣ умершаго въ 1881 году профессора славянскихъ нарѣчій въ тамошнемъ университетѣ Каспара Смита: «Russisk Literaturhistorie fra Peter den Stores Tid til Begyndelsen af detta Aarhundrede». По добросовѣстному пользованію множествомъ бывшихъ въ рукахъ автора русскихъ печатныхъ источниковъ и пособій, а также по занимательному изложенію и самостоятельному во многихъ случаяхъ взгляду книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія и составляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ покойнаго, который съ особенною любовью посвящалъ ему свое время и дорожилъ его окончаніемъ, но къ сожалѣнію успѣлъ довести его только до смерти Карамзина. Составленную академикомъ замѣтку объ этой книгѣ опредѣлено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ сообщилъ о послѣдовавшей, въ октябрѣ, въ Скерневицахъ, кончинѣ члена-корреспондента Академіи Наукъ П. П. Дубровскаго.

Академикомъ И. В. Ягичемъ заявлено о послѣдовавшей $^5/_{17}$ сего ноября въ Загребѣ кончинѣ корреспондента Академіи Наукъ, члена юго-славянской Академіи Юрія Даничича. Положено телеграммою на имя предсѣдателя Загребской Академіи д-ра Рачкаго выразить глубокое соболѣзнованіе Отдѣленія объ этой важной для всего славянскаго ученаго міра утратѣ.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатаго къ академику Гроту о днѣ рожденія Жуковскаго, каковымъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказывается 29-е января 1783 года, и о намѣреніи его, профессора, издать къ столѣтней годовщинѣ этого дня, собраніе писемъ поэта, хранящееся у живущаго въ Дерптѣ д-ра Зейдлица, а также напечатать въ русскомъ переводѣ полную біографію Жуковскаго, составленную на нѣмецкомъ языкѣ г. Зейдлицемъ.

По тому же поводу академикъ М. И. Сухомлиновъ предложилъ, въ ознаменованіе участія Отдѣленія въ чествованіи памяти Жуковскаго, объявить конкурсъ на премію за лучшее сочиненіе объ этомъ писателѣ. Опредѣлено ходатайствовать предъ г. президентомъ о приведеніи этой мысли въ исполненіе, если признано будетъ возможнымъ испросить не менѣе тысячи руб. на премію за такое сочиненіе.

Въ засѣданіи 31-го декабря читано отношеніе г. министра финансовъ къ г. президенту отъ 29-го декабря о томъ, что вслѣдствіе ходатайства его сіятельства Государь Императоръ 24-го того же мѣсяца Всемилостивѣйше соизволилъ на отпускъ изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Академіи Наукъ тысячи рублей для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о Жуковскомъ.

Въ томъ же засѣданіи академикъ Гротъ доложилъ, что Н. И. Стояновскій, принявъ на себя нѣкоторыя приготовительныя распоряженія для празднованія столѣтняго юбилея Жуковскаго, обратился къ г. президенту съ просьбою о предоставленіи 29-го или 30-го января большой конференцъ-залы Академіи Наукъ для устройства въ ней литературнаго чтенія въ память поэта, о чемъ графъ Д. А. Толстой желаетъ знать мнѣніе Отдѣленія. Опредѣлено испросить разрѣшеніе его сіятельства устроить въ одинъ изъ означенныхъ дней публичное собраніе Отдѣленія, съ тѣмъ чтобы, по произнесеніи одной или болѣе академическихъ рѣчей, предоставлено было читать и посторроннымъ литераторамъ, съ рѣчами или стихотвореніями которыхъ Отдѣленіе предварительно будетъ ознакомлено, для чего въ свое время можетъ быть устроено особое, совмѣстно съ авторами, засѣданіе.

Въ засѣданіи 13-го января 1883 г. академикъ Гротъ доложилъ, что 21-го минувшаго декабря онъ отнесся отъ имени Отдѣленія къ тульскому архіепископу Никандру съ просьбою приказать навести въ метрикѣ справку о времени рожденія Жуковскаго, и что высокопреосвященный при отношеніи отъ 1-го января доставилъ подробную выписку изъ метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей, изъ которой оказывается, что Василій Андреевичъ родился 26-го января 1783 года, крещенъ же былъ 30-го того же мѣсяца. Положено выписку эту напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу.

Для присужденія преміи за лучшее сочиненіе о Жуковскомъ приняты слѣдующія одобренныя г. президентомъ основанія:

1. Содержаніе сочиненій о Жуковскомъ можетъ быть троякаго рода: а) обстоятельное критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связи съ его жизнію: б) полное разсмотрѣніе, какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, какого нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками (наприм. его заимствованій изъ Шиллера или изъ древне-классическаго міра); в) полное разсмотрѣніе трудовъ Жуковскаго со стороны языка и слога.

2. Сочиненія представляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ рукописи или въ печати.

3. Премія присуждается Отдѣленіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть къ участію въ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій пригласить и постороннихъ литераторовъ.

4. Срокомъ конкурса для представленія сочиненій о Жуковскомъ назначается 1-е мая 1885 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛУ.

I.

О нѣкоторыхъ результатахъ новаго взгляда на устроеніе языка.

(Профессора пражской «Техники» О. И. Коляржа.)

Разбирая флексію въ славянскихъ нарѣчіяхъ, я началъ съ самаго сложнаго склоненія прилагательныхъ «опредѣленныхъ» и въ I главѣ своего сочиненія «*О прилагательныхъ съ мягкимъ окончаніемъ*», сравнивая «опредѣленное» *синий*, *синꙗꙗ*, *синѥѥ* съ «неопредѣленнымъ» *синь*, *синꙗ*, *синѥ*, и съ родовымъ мѣстоименіемъ *и*, ꙗ, ѥ, которыя я дальше сравниваю съ подобными прилагательными въ другихъ слав. нарѣчіяхъ (русс., сербс., польс., лужиц., и чешс.) и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ (лит., лот., гоѳ. и нѣм., лат., рюм., италь., болг., альб., греч., зенд. и санскр.), я нашелъ слѣдующіе результаты:

1) Разница между прилагательными «опред.» и «неопред.» основывается единственно на *членѣ*, *привѣшенномъ* (въ слав. нар., въ лит. лот., рюм. и альб. яз.) или *представленномъ* (въ греч., гоѳ. и герм. вообще и зап. ром. яз.).

2) Привѣшенный членъ прилагательныхъ «опред.» собственно указательное мѣстоименіе *и*, ꙗ, ѥ, которое особо служитъ личнымъ мѣстоименіемъ (*онъ*, *она*, *оно*), а съ частицей *же*, относительнымъ мѣстоименіемъ (*иже*, ꙗ*же*, ѥ*же*).

3) Но исключеніе прилагательныхъ «неопред.» съ «мягкимъ окончаніемъ» основывается единственно на *членѣ*, *присоединенномъ* или слитномъ, ибо т. наз. «мягкое окончаніе» *й*, -ꙗ, -ѥ или ь, -ꙗ, -ѥ не что другое, какъ опять то же самое родовое мѣстоименіе, которое служитъ привѣшеннымъ членомъ прилагательныхъ «опред.» Итакъ нѣтъ никакихъ «темъ на ꙗ» («ja-Stämme»), ибо это ꙗ членъ и не принадлежитъ къ темѣ.

4) Такъ какъ этимъ образомъ и «неопред.» прилагательныя имѣютъ членъ (присоединенный), то «опред.» прилагательныя необходимо имѣютъ два члена, первый присоединенный, а второй привѣшенный или представленный. И потому «неопред.» прилагательныя слѣдуетъ точнѣе называть *одночленными* а «опредѣленныя» *двоечленными.*

5) Малая и вовсе не существенная разница въ склоненіи между присоединеннымъ членомъ прилагательныхъ одночленныхъ и привѣшеннымъ членомъ прилагательныхъ двоечленныхъ и родовымъ мѣстоименіемъ (*и*, ꙗ, ѥ) объясняется вездѣ легко тѣмъ, что первый членъ (присоединенный) сохранилъ простѣйшія, старшія формы, тогда какъ второй членъ (привѣшенный) и личное мѣстоименіе имѣетъ нѣкоторыя формы усиленныя, относительно новыя.

6) Родовое мѣстоименіе *и*, ꙗ, ѥ, является въ *трехъ видахъ* или степеняхъ возраста и развитія: a) *древнѣйшее*, кратчайшее, органически присоединенное къ темѣ прилагательныхъ одночленныхъ съ «мягкимъ окончаніемъ», b) *среднее*, по большей части только графически привѣшенное въ прилагательныхъ двоечленныхъ и c) *самостоятельное*, употребляемое до сихъ поръ особо какъ личное мѣстоименіе (съ новымъ именительнымъ *онъ*, *она*, *оно*), что́ доказываетъ, что первоначальное значеніе этого мѣстоименія указательное.

7) Прилагательныя двоечленныя—навѣрное младшей формаціи, чѣмъ прилагательныя одночленныя; самые древніе языки (санскр., зенд., лат. и древне-греч.) имѣютъ только одночленныя прилагательныя. Поэтому не слѣдуетъ ихъ называть «сокращенными» или «усѣченными» и т. п., ибо онѣ образовались не сокращеніемъ изъ двоечленныхъ, а наоборотъ, двоечленныя образовались наращеніемъ изъ одночленныхъ прилагательныхъ.

8) Прилагательныя двоечленныя, по предыдущему второобразныя, очевидно образованы аналогически, по примѣру старшихъ, одночленныхъ, первообразныхъ, повторяя тотъ же древній принципъ прибавленія члена въ концѣ слова (новымъ способомъ передъ словомъ).

9) Такъ какъ привѣшенный (или представленный) членъ прилагательныхъ двоечленныхъ и присоединенный (слитный) членъ прилагательныхъ одночленныхъ служитъ для означенія *рода* и *числа* и *падежей*, то слѣдовательно единственнымъ *основаніемъ склоненія* прилагательныхъ двоечленныхъ и одночленныхъ съ «мягкимъ окончаніемъ» *членъ* или родовое мѣстоименіе *и*, ꙗ, ѥ.

Во II главѣ, «*О прилагательныхъ съ твердымъ окончаніемъ*» я нашелъ еще слѣдующіе результаты:

10) Такъ наз. «твердое окончаніе» прилагательныхъ одночленныхъ *ъ*, -*а*, -*о* тоже не что иное, какъ опять родовое мѣстоименіе, которое, во всемъ вполнѣ соотвѣтствуя извѣстному уже члену *ь*, -ꙗ, -ѥ, служитъ тоже для означенія *рода*, *числа* и *падежей*, какъ всякій другой членъ. Итакъ нѣтъ и никакихъ «темъ на *а*» («a=Stämme») (См. 3).

11) Склоненіе обоихъ этихъ мѣстоименій (а и ꙗ) вполнѣ сообразно и согласно; разница между ними только придыханіе (*j*) и его вліяніе на слѣдующую гласную. Но мѣстоименіе (*а*), слишкомъ простой темы, не встрѣчается особо, самостоятельно, развѣ только въ санскритскомъ и зендскомъ языкахъ (съ другимъ, новымъ именительнымъ сравни *онъ*, *она*, *оно* вм. *и*, ꙗ, ѥ), а во всѣхъ другихъ языкахъ служитъ только членомъ присоединеннымъ, который можно лишь теоретически какъ бы отнять, отдѣлить (ablösen) отъ темы.

12) Родовое мѣстоименіе *а* никогда не встрѣчается какъ второй членъ прилагательныхъ двоечленныхъ, а всегда лишь какъ первый членъ, чтó доказываетъ, такъ какъ двоечленіе очевидно моложе одночленія, что членъ *а* старше, первичный, а членъ ꙗ, (тоже *а* съ придыханіемъ) моложе, вторичный. И поэтому одночленныя прилагательныя съ членомъ *а* называю *первочленными*, а съ членомъ ꙗ *второчленными*.

13) Въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ (лат., зенд., санскр.) есть прилагательныя *однообразныя*, т. е. только одночленныя, а въ другихъ языкахъ (греч., альб., рюм., лит., лот., слав. и герм.) есть прилагательныя *двоеобразныя*, т. е. и одночленныя и двоечленныя. Одночленныя опять или первочленныя, или второчленныя, а двоечленныя наконецъ или *равночленныя* (син-*и*-*й*, син-ꙗ-ꙗ, син-ѥ-ѥ) или *разночленныя* (нов-*ъ*-*и*, нов-*а*-ꙗ, нов-*о*-ѥ).

14) Одночленныя прилагательныя склоняютъ то[ль]ко свой членъ, а если у нихъ есть нѣкоторые падежи двоечленные, то склоняютъ всегда только второй членъ (герм., лат., зенд., санскр.). Двоечленныя же склоняютъ или оба членъ вполнѣ (лит., греч., герм.), или только въ нѣкоторыхъ падежахъ оба члена, а въ другихъ лишь второй членъ (древне-слав. и рус.), или наконецъ во всѣхъ падежахъ только второй членъ (лот., рюм., серб., польс., чешс. и другія слав. нар.).

15) Поэтому двоечленныя прилагательныя въ нынѣшнихъ слав. нарѣчіяхъ смотрятъ будто одночленными, конечно съ новымъ,

усиленнымъ, или т. наз. мѣстоименнымъ склоненіемъ. Такъ напр. русскія равночленныя (*сúній, -яя, -ее*) склоняются какъ *онъ*, *онá*, *онó*, а разночленныя (*нóвый, -ая, -ое*) какъ *тотъ*, *та*, *то*, съ малой и несущественной разницей; ибо первый членъ остается несклоняемымъ, въ темѣ или «in neutro» (*е*, *о*) передъ сокращенными формами втораго члена («суфиксами»: *го*, *-му*, *-мъ*, *-й*, *-ю* и т. п.), а передъ несокращенными формами втораго члена (*имъ*, *ихъ*, *ими* и т. п.) ослабѣваетъ въ *ъ*, *ь*, который, сливаясь со слѣдующимъ *и* «суфикса», образуетъ *ы* (=ъи) и *и* (=ьи): нóвымъ, сúнимъ и т. д.

16) Тутъ происходитъ то же самое, что̀ мы видимъ и въ другихъ сложныхъ словахъ: a) что старое, сложное склоненіе обѣихъ частей въ новѣйшихъ нарѣчіяхъ упрощено (срав. изъ Новгорода вм. Новагорода, къ Новгороду вм. Новугороду и т. д.); b) что склоненіе переходитъ изъ средины сложнаго слова, т. е. съ конца первой, склоняемой части на конецъ сложнаго слова, даже на частицу (срав. каждый, -ая, -ое вм. kъждо или kъиждо, kаꙗждо, kоѥждо, до одиннадцати вм. одногонадцать, двѣнадцатый и т. д. вм. второйнадцать и т. д.).

17) Въ склоненіи двоечленныхъ прилагательныхъ въ разныхъ слав. нарѣчіяхъ первый членъ лишается падежнаго экспонента (суфикса) въ пользу втораго члена и остается нейтральнымъ (*о*, ѥ) а другой членъ мало по малу тоже ослабѣваетъ (русс. -й=ı) я=ѩ), 2) и, 3) -ю=ѭ) и даже почти безъ слѣда совсѣмъ исчезаетъ (въ чешскомъ), такъ что потомъ остается опять одинъ первый членъ въ своей нейтральной (вліяніемъ втораго члена немножко неизмѣненной, т. е. продолженной) формѣ (темѣ), какъ нововѣковой (но бѣдный и недостаточный) сурогатъ за древній сложный падежъ, ибо изъ древнихъ, разнообразныхъ падежей возникаютъ новые, однообразные (и тѣмъ неопредѣленные) падежи: рус. нов-*ой*, син-*ей*. (Gen. Dat. Loc. Instr. sg. f. = Nom. sg. m.), а чешс. nov-*é* = nov-*y* или rann-*ié*=rann-*í* (Gen. Dat. Loc. sg. f. Nom. Acc. sg. n. Nom. Acc. pl. f. и Ac. pl. m.).

18) Итакъ сжатое или стяженное склоненіе двоечленныхъ прилагательныхъ въ нынѣшнихъ слав. нарѣчіяхъ возникло не такъ, какъ вообще учатъ: сжатіемъ или стяженіемъ «именнаго» склоненія съ «мѣстоименнымъ» склоненіемъ или сжатіемъ падежей прилагательныхъ одночленныхъ съ привѣшеннымъ (и тоже склоняемымъ) мѣстоименіемъ *и*, ꙗ, ѥ, — а такъ, какъ показываетъ русское *а* въ тяжелыхъ падежахъ (Instr. sg. m. n., Gen. Loc. Dat. Instr. du., Gen. Dat. Loc. Instr. pl.) и древне-славянское нарѣчіе: соединеніемъ

одной темы (о, ѥ) перваго члена (несклоняемаго) съ однѣми окончаніями (-го, -му, -мъ и т. д.) втораго члена (безъ его темы ѥ) такъ что *окончаніе втораго члена* присоединено *къ темѣ перваго члена.*

II.

Russisk Literaturhistorie fra Peter den Stores Tid til Begyndelsen af detta Aarhundrede. Af C. W. Smith. Kjøbenhavn 1882.

(Академика Я. К. Грота).

Покойный авторъ этого послѣдняго труда своего посвятилъ большую часть своей научной дѣятельности славянской филологіи, русской литературѣ и исторіи. Это обусловливалось конечно самою каѳедрою, которую онъ занималъ при Копенгагенскомъ университетѣ, но не по одной обязанности трудился онъ въ этомъ направленіи: онъ съ истинною любовью разрабатывалъ отрасль науки, составлявшую его спеціальность, и всею душою предавался занятіямъ, сопряженнымъ съ его должностью. Живое сочувствіе къ дѣлу несомнѣнно выражается во всѣхъ его трудахъ, начиная съ польской грамматики, перваго сочиненія, доставившаго ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, и кончая тѣмъ довольно объемистымъ томомъ, который лежитъ передъ нами. Пишущій эти строки много лѣтъ находился въ перепискѣ съ Смитомъ и потому имѣлъ полную возможность слѣдить за его литературными занятіями. Онъ не довольствовался тѣми матеріалами, которыми могъ пользоваться въ туземныхъ хранилищахъ, но безпрестанно чувствовалъ потребность знакомиться съ первоначальными источниками и всячески старался получать нужныя ему пособія въ подлинникахъ. О такой основательной подготовкѣ свидѣтельствуетъ и книга, заглавіе которой означено выше. Смитъ не ограничивался изученіемъ русскихъ авторитетовъ по критикѣ или исторіи литературы: онъ съ величайшею добросовѣстностью перечиталъ всѣхъ тѣхъ писателей, о которыхъ говоритъ. Разумѣется, что онъ останавливается только на замѣчательнѣйшихъ и умалчиваетъ о менѣе значительныхъ. Это представляетъ ту полезную сторону, что онъ могъ по-

дробно разсмотрѣть тѣхъ немногочисленныхъ авторовъ, на которыхъ палъ его выборъ. Такимъ образомъ мы находимъ въ его «Исторіи литературы» обстоятельныя статьи о Татищевѣ, о Кантемирѣ, о Ломоносовѣ, о Екатеринѣ II, какъ писательницѣ, о Фонвизинѣ, Державинѣ, Карамзинѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Притомъ Смитъ не только сообщаетъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности каждаго, но излагаетъ содержаніе важнѣйшихъ произведеній ихъ. Что касается его сужденій, то онъ не довольствуется передачею отзывовъ русскихъ историковъ литературы, но выражаетъ свои собственные взгляды, часто не согласные съ первыми. Поэтому разсматриваемое сочиненіе можетъ въ высокой степени удовлетворить любознательность соотечественниковъ автора, которые пожелаютъ ближе ознакомиться съ русской литературой 18-го и начала нынѣшняго столѣтія. Къ сожалѣнію, смерть не позволила Смиту до конца выполнить предпринятую задачу и слишкомъ рано исхитила перо изъ рукъ его: сочиненіе останавливается на кончинѣ Карамзина (1826 г.) и издано по смерти автора. Вся книга читается съ непрерывающимся интересомъ. Изложеніе въ ней наглядно и увлекательно; написана она простымъ и легкимъ языкомъ. Датское общество принесетъ справедливую дань уваженія памяти автора, если почтитъ сочувственнымъ вниманіемъ завѣщанный потомству послѣдній трудъ достойнаго соотечественника.

III.

Выписка изъ метрической книги села Мишенскаго и исповѣдныхъ росписей того же села.

По метрической книгѣ Бѣлевскаго уѣзда села Мишенскаго за 1783 годъ, января 26-го въ числѣ родившихся записью подъ № 3 значится: вотчины надворнаго совѣтника Аѳанасія Иванова Бунина у дворовой вдовы Елисаветы Дементіевой родился незаконнорожденный сынъ *Василій*; крещенъ 30-го января священникомъ Иваномъ Ивановымъ съ причтомъ (воспріемники, бывшіе при крещеніи, исключительно при записи сего событія не показаны).

По исповѣднымъ росписямъ того же села съ 1783 года по 1786 годъ, вдовы Елисаветы Дементіевой съ сыномъ Василіемъ записью не оказалось.

Въ 1787 году подъ № 49 женска въ числѣ дворовыхъ людей г. Аѳанасія Бунина значатся: вдова Елисавета Дементіева 50 лѣтъ, сынъ ея Василій 6 лѣтъ.

Въ 1788 году подъ № 45 женска значится: вдова Елисавета 51 году, сынъ ея Василій 7 лѣтъ.

Въ 1789 году подъ № 47 женска значится: вдова Елисавета Дементіева 52 лѣтъ, сынъ ея Василій 8 лѣтъ.

Въ 1796 году подъ № 48 женска значится: вдова Елисавета Дементіева 60 лѣтъ, сынъ ея *Василій Андреевъ* 15 лѣтъ.

Въ 1797 году подъ № 49 женска значится: вдова Елисавета Дементіева 61 года, сынъ ея *Василій Андреевъ* 15 лѣтъ.

Въ 1798 году подъ № 26 женска значится: вдова Елисавета Дементіева 62 лѣтъ, но сына при ней не показано.

Такъ же писалась помянутая вдова до 1808 года, въ которомъ ей показано 72 года [1]).

Въ дополненіе и поясненіе этой выписки преосвященный Никандръ въ отношеніи своемъ сообщаетъ, что «въ метрическихъ книгахъ села Мишенскаго: а) за 1782, 1783 и 1784 гг. въ числѣ родившихся, какъ въ самомъ селѣ, такъ и въ приходскихъ его деревняхъ, никто не показанъ незаконнорожденнымъ, кромѣ сына дворовой вдовы Елисаветы Дементьевой Василія; и б) съ именемъ Василія записаны: за 1782 г.—только одинъ новорожденный, сынъ крестьянина деревни Васьковой Прохора Ильина; за 1783 г.—двое новорожденныхъ, одинъ—помянутый сынъ дворовой вдовы Елисаветы Дементіевой, другой—сынъ крестьянина села Мишенскаго Гавріила Еѳимова,—и наконецъ за 1784 г.—родившійся въ вотчинѣ надворнаго совѣтника Аѳанасія Иванова Бунина сынъ крестьянина Никиты Тихонова, одинъ изъ близнецовъ съ новорожденнымъ Антономъ. Такимъ образомъ, на основаніи имѣющихся въ метрическихъ записяхъ данныхъ, можно утверждать, что если время рожденія извѣстнаго отечественнаго писателя Василія Андреевича Жуковскаго опредѣляется годами 1782—1784, и родина его есть село Мишенское Бѣлевскаго уѣзда, то приложенною при семъ выпискою точно указывается годъ, мѣсяцъ и день его рожденія».

---

[1]) Въ трудѣ Плетнева «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго» (стр. 24) показано, что мать поэта умерла въ Бѣлевѣ въ 1811 году. Не зная источника этого свѣдѣнія, мы не имѣемъ средствъ повѣрить его.